

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 329.273

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-1-154-161

КОНЦЕПЦИЯ ЦВЕТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

CONCEPTION OF COLOR REVOLUTION IN POLITICAL SCIENCE

А.А. Керимов, Т.В. Вербицкая
A.A. Kerimov, T.V. Verbitskaia

Уральский федеральный университет,
Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

Ural Federal University,
19 Mira St, Ekaterinburg, 620002, Russia

E-mail: kerimov68@mail.ru, aquitania-17@yandex.com

Аннотация

Актуальность исследования обуславливается характером, особенностями протекания и результатами происходящих в настоящее время цветных революций, приводящих к разрушению политических систем государств и даже самих государств. Цель исследования заключается в выявлении различных подходов в определении сущности и признаков цветных революций. Поскольку практика проведения цветных революций в мире демонстрирует, что цветные революции могут привести к разрушительным последствиям вплоть до прекращения существования государства, важно изучение содержания и особенностей цветных революций для того, чтобы сформировать механизм борьбы с цветными революциями с учетом характера и степени опасности цветных революций в их конкретном проявлении. Мнения ученых по поводу цветных революций разделились: одни ученые считают цветные революции гласом народа, подлинной демократией, другие – технологией государственного переворота. Подобное противоречие в позициях исследователей исключает эффективное противодействие цветным революциям посредством разработки необходимых для этого инструментов. Формулирование определения цветных революции, содержащего универсальные признаки указанного явления, позволит консолидировать позиции исследователей. Опыт уже совершившихся и продолжающихся цветных революций свидетельствует о том, что вторая позиция является более обоснованной. Тем не менее цветные революции являются многоаспектным явлением, включающим в себя также и ненасильственные методы *soft power*, что должно быть учтено в содержании определения цветной революции. В статье изучаются признаки, национальные особенности цветных революций, исходя из позиций исследователей указанной проблематики. С учетом дискуссий, противоположных мнений ученых относительно содержания указанного явления, его роли и значения, в статье формулируется определение цветных революций.

Abstract

The relevance of the study is determined by the nature, peculiarities of the course and the results of the ongoing color revolutions that lead to the destruction of the political systems of states, and even of the states themselves. The purpose of the research is to reveal various approaches in defining the essence and attributes of color revolutions. Since the practice of carrying out color revolutions in the world demonstrates that color revolutions can lead to devastating consequences, up to the termination of the existence of the state, it is important to study the content and characteristics of color revolutions in order to form a mechanism for combating color revolutions, taking into account the nature and degree of danger of color revolutions in their

concrete manifestation. The opinions of scientists about color revolutions were divided: some scientists consider color revolutions as a people's voice, true democracy, others as technology of coup d'état. Such a contradiction in the positions of researchers excludes effective counteraction to color revolutions by developing the necessary tools. Formulation of the definition of color revolutions, containing universal signs of this phenomenon, allows to consolidate the positions of researchers. The experience of the accomplished and continuing color revolutions shows that the second position is more justified. Nonetheless, color revolutions are a multi-aspect phenomenon, including also non-violent methods of soft power, which should be taken into account in the content of the definition of color revolution. The authors study the signs, national peculiarities of color revolutions, proceeding from the positions of the researchers of the indicated problems. The authors formulate the definition of color revolutions taking into account discussions, opposing opinions of scientists on the content of this phenomenon, as well as its role and significance.

Ключевые слова: революция, государственный переворот, политическая система, народный протест, политическая технология.

Keywords: revolution, coup d'état, politic system, popular protest, political technology.

Цветные революции представляют собой сложное и многогранное явление, беспрепятственно изучаемое исследователями в процессе его эволюции, становления и развития. Происходящие в настоящее время на политической арене события обуславливают актуальность рассмотрения содержательных особенностей указанного явления. В силу этого феномен цветных революций постоянно находится в поле зрения исследователей с начала 2000-х гг., когда впервые появился термин «цветная революция».

Как отмечают исследователи, самой серьезной угрозой для любого политического режима государства выступает уже не традиционная война и революции, а так называемые цветные революции [Бартош, 2005; Белевская, Алимуратов; Манойло, 2014; Карпович, 2015; Семченков, 2016]. Отличительный признак цветных революций заключается в том, что они представляют собой целый спектр управляемых политических процессов и технологий, инициируемых и внедряемых иностранными или транснациональными заказчиками и направленных на трансформацию политических режимов государств в выгодном заказчикам русле (вследствие геополитических и экономических интересов и достаточности ресурсов для реализации таких интересов). Так, в соответствии с позицией А.Д. Арямовой [2016], современные цветные революции представляют собой средство принудительной трансформации политических режимов государств. Основной целью внедрения инструментов цветных революций является инициирование государственного переворота и обеспечение его протекания в нужном государству-заказчику русле, на фоне массовых управляемых протестов, широко транслируемых в прозападных СМИ в качестве стихийных акции борцов за свободу и демократию, гражданское неповиновение. Геополитический интерес государства-заказчика цветной революции достигается, когда государство, пережившее цветную революцию, разрушившую его политическую систему, попадает под внешнее управление государства-заказчика. Значимым признаком цветных революций выступает наличие единого сценарного плана, в котором отражена четко определенная последовательность действий по дестабилизации политической обстановки в государстве, оппозиции и обеспечение ее поддержки со стороны населения посредством его конфликтной мобилизации, введение в действие «майдана», посредством которого происходит трансформация протестующих в агрессивную толпу, и направление этой агрессии против официальной власти [Арямова, 2016, с. 7]. Аналогичной точки зрения придерживается Д.М. Юсупова-Фарзалиева [2012].

Другая ключевая черта цветных революций – декларируемая направленность на обеспечение законности и поддержание конституционного строя, что отличает их от классических революций, которые действительно нацелены на изменение государственного строя, а также существующих экономических отношений [Федорченко, 2012].

Мнения российских и зарубежных ученых по поводу роли и значения цветных революций разделились. Российские ученые указывают на отрицательные последствия

цветных революций в виде дестабилизации политической системы, возникновения марионеточных режимов и при этом отмечают, что не достигается ожидаемый положительный эффект в виде демократического транзита. Зарубежные исследователи, наоборот, полагают, что цветные революции являются чуть ли не единственно верным, кратчайшим путем к демократизации режимов. Можно заметить, что цветные революции являются теоретической моделью, разработанной западной политической мыслью и апробированной на ряде государств СНГ и Ближнего Востока (события в Грузии в 2003 г., на Украине в 2004 и 2014 гг., «арабская весна»).

Феномен цветных революций изучается такими российскими политологами, как А.Э. Гапич и Д.А. Лушников [Гапич, Лушников, 2014]. Российские ученые полагают, что «цветные революции» представляют собой сочетание методов свержения государственной власти, результат вмешательства иностранных государств во внутренние дела определенного государства, дестабилизации политического пространства и совершения государственно-переворота для формирования выгодных, марионеточных и легко управляемых политических режимов [Гапич, Лушников, 2014, с. 34–89; Шульц, 2014, с. 35; Вилков, Наумов, 2017, с. 191–196; Фещенко, 2017, с. 158–166;]. «Цветные революции» представляют собой разновидность революций эпохи постмодерна, обладающих ярко выраженным политтехнологическим характером и осуществляемым с целью смены авторитарного режима посредством инициирования массовых протестов, далеко не всегда протекающих в относительно мирных формах [Сальников, 2011, с. 70–88]. Так, в соответствии с позицией А.О. Наумова, цветные революции являются следствием реализации на практике сформированной в США теории «мягкой силы», представляющей собой совокупность методов и способов продвижения политических и экономических интересов США без непосредственного использования вооруженных сил (но далеко не обязательно без возникающих вспышек уличного или другого насилия, в т. ч. и с использованием оружия) или экономического принуждения, санкций [Наумов, 2014, с. 34]. Государством-заказчиком цветных революций могут быть не только США, но и другие западные государства. Акцент делается на пропаганду ценностей и образа жизни народа государства-заказчика цветных революций, на поддержку политических движений, заявляющих, что цель их политической деятельности состоит в достижении в их государстве проамериканской социально-политической модели [Наумов, 2014, с. 45]. Также автор справедливо указывает, что подобная «мягкая сила» мало чем отличается от «жесткой» силовой интервенции иностранных государств и несет в себе, по крайней мере, не меньшие негативные долгосрочные последствия, чем внутригосударственный вооруженный конфликт [Наумов, 2014, с. 56]. Автор отмечает, что в послевоенный и особенно в постбиполярный период американские исследователи и практики довели до совершенства методику якобы основанных на теории «мягкой силы» гуманитарных технологий, которых при этом далеко нельзя отнести к гуманным по отношению к другим странам и народам [Наумов, 2014, с. 90]. О.А. Наумов считает, что ярким примером применения США технологий «мягкой силы» являются «цветные революции» в начале XXI в. – операции Вашингтона по смене нежелательных для США политических режимов в Сербии, Грузии, Украине, Киргизии, Тунисе и Египте. Автор подчеркивает, что цветные революции нельзя отнести к революциям в традиционном смысле – они не ставят своей целью смену идеологической парадигмы развития общества; симуляцией идеологических изменений в таких революциях выступает борьба с коррупцией, ориентация на Европу, недовольство определенным политическим лидером [Наумов, 2014]. О.А. Наумов полагает, что цветная революция представляет собой лишь имитацию революции, продукт американских технологий «мягкой силы». Уничтожение прежних политических режимов в государствах, где «победили» цветные революции, не имело никаких иных результатов, кроме как вовлечения таких государств в орбиту влияния США [Наумов, 2014]. Была осуществлена лишь замена одной правящей элиты на другую, а также перераспределение полномочий и финансовых потоков между элитарными группами. Более того, вновь пришедшая к власти элита оказалась полностью несостоятельной в деле государственного управления. Во всех госу-

дарствах, где были цветные революции, были зафиксированы падение уровня жизни, рост экстремистских настроений, террористические угрозы и даже потери части государственности [Наумов, 2014]. А.В. Манойло считает, что цветные революции выступают инструментом гибридизации мировой политики [Манойло, 2017]. В.А. Барсамов полагает, что под цветными революциями следует понимать серию массовых уличных беспорядков и протестов населения при пособничестве иностранных неправительственных организаций, как правило, завершающихся коренным изменением политического режима без непосредственного военного участия иностранных государств. Так же в условиях цветных революций происходит и смена правящих элит [Барсамов, 2006]. Другие ученые полагают, что определение цветной революции предполагает применение многочисленных уличных акций протеста, участниками которых (массовкой) являются обычные граждане. Некоторая схожесть цветных революций, и особенно результат «эффективных» цветных революций — переориентация внутренней и внешней политики государства на определенного глобального политического игрока — не позволяют говорить о стихийности событий и позволяют утверждать о целенаправленном характере цветных революций в отношении государства-заказчика [Новиков, Рыжикова, Высоцкий, 2018, с. 41–56].

Таким образом, в российской политической науке можно выделить два альтернативных подхода к изучению цветных революций. Цветные революции рассматриваются в качестве явления и технологии. При этом нельзя не согласиться с мнением тех российских экспертов, которые полагают, что происходящие в настоящее время цветные революции в мире представляют собой технологии государственных переворотов, в которых ключевым инструментом демонтажа политических режимов выступает молодежное протестное движение, нередко идущее на столкновение с властью под националистическими лозунгами [Курьев, 2014; Ремарчук, 2014; Елисеев, Лебедева, 2015; Нейматов, 2016; Липинский, 2017].

Содержательные особенности цветных революций отражены также в работах зарубежных исследователей: в публикациях бывшего посла США в Российской Федерации М.Э. Макфола [Beissinger M., 2007], профессора Ягеллонского университета в Кракове П. Штомпка, американского политолога и профессора Университета имени Дж. Вашингтона Г. Хейла [Beissinger M., 2007], профессора Корнельского университета В. Банса, американского политолога, общественного деятеля и основателя Общественного Института им. Альберта Эйнштейна Дж. Шарпа. Указанные зарубежные исследователи считают, что «цветная революция» представляет собой «естественный» процесс демократизации общества посредством повышения уровня политической культуры населения [Beissinger M., 2007, p. 34; Blum W., 2013, p. 56]. В качестве подтверждения своей позиции относительно «естественной необходимости» цветных революций, зарубежные исследователи приводят якобы проведенные ими социологические опросы граждан по поводу их недовольства действующей властью и делают выводы, что цветные революции ведут к позитивным последствиям. Например, П. Штомпка полагает, что революции порождают такие положительные явления, как всплеск массовой активности у большинства населения, обусловленный надеждой на быстрое достижение светлого будущего, энтузиазм граждан в участии в политической жизни государства, приобретение чувства силы в коллективном единстве и обретение смысла жизни [Beissinger M., 2007, p. 34]. Однако указанная позиция зарубежных исследователей вызывает закономерный вопрос относительно «естественности» процесса подобного транзита к демократии: описываются технологии проведения цветных революций, даже несмотря на волю местного населения, которое, вероятно, недовольно действующей властью и желает ее смены. Однако это не свидетельствует о намерении и готовности населения к реформированию, демократической трансформации существующего режима. Естественность предполагает также отсутствие влияния и давления извне и согласие населения с происходящими событиями (между тем мнение населения по данному вопросу учитывается в последнюю очередь). Кроме того, социологические опросы проводятся в тех государствах, где проведение цветных революций не планируется. И конечно, после начала возникновения цветных революций не проводятся или

прекращаются социологические исследования для изучения среза общественного мнения относительно эффективности и результативности цветных революций по демократическому транзиту [Иглин, 2016].

Тем не менее следует отметить, что ряд зарубежных исследователей все же отмечает негативный характер цветных революций как явления [Wilson A., 2005; Sussman G., Krader S., 2008; Way L., 2008]. Противники указанного подхода на Западе полагают, что цветные революции являются не естественным эволюционным процессом демократизации авторитарного политического режима, а технологиями совершения государственного переворота [Kennedi, 2014]. Также ученые отмечают и участие мировых сверхдержав в качестве заказчиков цветных революций в определенных государствах с целью увеличения сфер их влияния, обеспечения реализации их геополитических интересов [Brudny, Finkel, 2012; Mitchell L. A., 2012]. В качестве аргументов приводятся доказательства финансирования оппозиционных сил в странах, где уровень недовольства действующей политической властью предельно высок (при этом не делается различий между радикальными, экстремистскими, иными преступными и неправомерными, допустимыми по Женевскому праву оппозиционными силами). В частности, британский журналист, политолог, общественный деятель и член Консервативной партии Великобритании Д. Лафлэнд, профессор Калифорнийского университета Д.А. Голдстоун указывают на разрушительные, негативные последствия цветных революций, которые не обусловлены целью цветных революций [Штомпка, 2014]. «Бульдозерную революцию» в Югославии и свержение Президента С. Милошевича Д. Лафлэнд называет фарсом. В своей критической статье «Технология государственного переворота» ученый выделяет три основных элемента «цветных революций»: 1) неправительственные организации; 2) скрытые операции; 3) контроль за СМИ [Штомпка, 2014, с. 56].

Ученые также стремятся сформулировать особенности цветных революций как явления для того, чтобы отграничить его от других смежных феноменов. Так, польский социолог, профессор Ягеллонского университета в Кракове П. Штомпка в работе «Социология социальных изменений» выделяет пять отличий цветной революции от социальных протестов: 1) цветная революция затрагивает все сферы общественной деятельности и жизни народа; 2) на политической арене государства происходят события, которые подрывают устойчивость дореволюционного государства и имеют фундаментальный характер; 3) все изменения имеют стремительный и необратимый характер; 4) революция вызывает бурную реакцию у участников и свидетелей её свершения, что, в свою очередь, обуславливает активное участие многих социальных слоёв в происходящих событиях; 5) революции являются наиболее характерными проявлениями изменений в жизни общества [Штомпка, 2014, с. 45].

Тем не менее в настоящее время так и не достигнут консенсус по вопросу о том, какое именно событие можно считать цветной революцией и как отграничить его от смежных явлений. Например, общепринято, что «бульдозерная революция» в Югославии, «революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» на Украине и «тюльпановая революция» в Киргизии являются цветными революциями [Beissinger M., 2007, p. 259–276]. Некоторые исследователи идут даже дальше и относят понятие «цветная революция» к португальской «революции гвоздик», произошедшей 25 апреля 1974 г., когда был совершен бескровный переворот левого толка в Лиссабоне в Португалии, в результате которого был изменен режим правления с фашистской диктатуры на либерально-демократический строй [Нарочницкая, 2008, с. 35].

Следует отметить, что пример «революции гвоздик» с трудом можно отнести к цветным революциям в силу того, что ключевыми организаторами португальского переворота были военные, без вмешательства иностранных государств. Главными же действующими акторами «цветных революций» являются гражданские лица, в первую очередь – активная, образованная, критически настроенная молодежь. Кроме того, цветные революции происходят по инициативе государства-заказчика такой революции. По указанной причине нельзя отнести к цветной революции государственный переворот в Иране

19 августа 1953 г., когда премьер-министр М. Мосаддык был свергнут в результате спланированной Соединенными Штатами Америки операции (что было признано Б. Обамой). Тем не менее именно переворот в Иране 1953 г. можно отнести к прообразам будущих цветных революций [Волочаева, 2015].

Исходя из изложенного, сформулируем понятие цветной революции. Цветная революция представляет собой процесс транзита власти к оппозиции вследствие утраты поддержки населения (легитимности) официальным правительством государства, осуществляемый посредством деятельности оппозиции по обеспечению массовых народных беспорядков, волнений по заранее продуманному сценарию.

Проведенное исследование позволило установить, что большинство российских исследователей согласны во мнении, что цветные революции не являются примером «мягкой силы», ненасильственным транзитом власти, но представляют собой инструмент поддержания своего геополитического влияния в различных политических регионах государством-заказчиком цветных революций. Тем не менее сохраняется раскол в позициях ученых по поводу содержания и признаков цветных революций: если российские и некоторые зарубежные ученые указывают на то, что цветная революция является внешней угрозой существованию политической системы государства, то большинство зарубежных ученых из западных стран подчеркивает, что цветные революции являются гласом народа, истинной демократией. Имеющаяся в мире практика проведения цветных революций подтверждает правоту первой позиции.

Список литературы References

1. Арямова А.Д. 2016. Роль технологий цветных революций в трансформации современных политических режимов : автореферат дис. ... канд. полит. наук. М., 34.
Aryamova A.D. 2016. Rol tekhnologiy tsvetnykh revolyutsiy v transformatsii sovremennykh politicheskikh rezhimov: avtoreferat dis. ... kand. polit. nauk. M., 34. (in Russian).
2. Барсамов В.А. 2006. «Цветные революции»: теоретический и прикладной аспекты. Социс, 8: 57–66.
Barsamov V.A. 2006. «Tsvetnyye revolyutsii»: teoreticheskiy i prikladnoy aspekty. Sotsis, 8: 57–66 (in Russian).
3. Бартош А. А. 2015. Комплекс подрывных технологий «цветная революция – гибридная война» как угроза национальной безопасности России. Безопасность Евразии. 1 (49): 247–254.
Bartosh A.A. 2015. Kompleks podryvnykh tekhnologiy «tsvetnaya revolyutsiya - gibridnaya voyna» kak ugroza natsionalnoy bezopasnosti Rossii. Bezopasnost Evrazii. 1 (49): 247–254 (in Russian).
4. Белевская Ю.Ю., Алимуратов О.А. 2012. Концепт сильного государства как ответ на угрозы «цветных революций». Социально-гуманитарные знания. 9: 87–92.
Belevskaya Yu.Yu. Alimuradov O.A. 2012. Kontsept silnogo gosudarstva kak otvet na ugrozy «tsvetnykh revolyutsiy». Sotsialno-gumanitarnyye znaniya. 9: 87–92 (in Russian).
5. Вилков М.А., Наумов А.О. 2017. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2 (9): 191–196.
Vilkov M.A., Naumov A.O. 2017. «Myagkaya sila», «tsvetnyye revolyutsii» i tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov v nachale KhKhI veka. Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy. 2 (9): 191–196 (in Russian).
6. Волочаева О.Ф. 2015. «Ненасильственное» изменение политических режимов как феномен информационного общества. Теория и практика общественного развития. 3: 83–86.
Volochayeva O.F. 2015. «Nenasilstvennoye» izmeneniye politicheskikh rezhimov kak fenomen informatsionnogo obshchestva. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 3: 83–86 (in Russian).
7. Гапич А.Э., Лушников Д.А. 2014. Технологии «цветных революций». М., РИОР. 245.
Gapich A.E., Lushnikov D.A. 2014. Tekhnologii «tsvetnykh revolyutsiy». M., RIOR. 245. (in Russian).
8. Елисеев В.С., Лебедева М.Л. 2015. «Цветные революции» и право: постановка вопроса. Право и политика. 1: 39–44.

Eliseyev V.S., Lebedeva M.L. 2015. «Tsvetnyye revolyutsii» i pravo: postanovka voprosa. Pravo i politika. 1: 39–44 (in Russian).

9. Иглин Д.А. 2016. «Цветные революции» на постсоветском пространстве как общественно-политическое явление: определение и основные взгляды. Проблемы постсоветского пространства. 3 (9): 130–144.

Iglin D.A. 2016. «Tsvetnyye revolyutsii» na postsovetском prostranstve kak obshchestvenno-politicheskoye yavleniye: opredeleniye i osnovnyye vzglyady. Problemy postsovetского prostranstva. 3 (9): 130–144 (in Russian).

10. Карпович О.Г. 2015. Цветные революции как инструмент системной дестабилизации политических режимов: угрозы и вызовы для России. Национальная безопасность / nota bene. 1 (36): 73–87.

Karpovich O.G. 2015. Tsvetnyye revolyutsii kak instrument sistemnoy destabilizatsii politicheskikh rezhimov: ugrozy i vyzovy dlya Rossii. Natsionalnaya bezopasnost / nota bene. 1 (36): 73 – 87 (in Russian).

11. Курьлев К.П. 2014. Украинский кризис 2013–2014 гг. и «арабская весна» 2011 г.: сходство и различие. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 4: 25–38.

Kurylev K.P. 2014. Ukrainskiy krizis 2013–2014 gg. i «arabskaya vesna» 2011 g.: skhodstvo i razlichiyе. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 4: 25–38 (in Russian).

12. Липинский А.Л. 2017. Объясняя революционные явления на посткоммунистическом пространстве. PolitBook. 1: 6–15.

Lipinskiy A.L. 2017. Obyasnyaya revolyutsionnyye yavleniya na postkomunisticheskom prostranstve. PolitBook. 1: 6–15 (in Russian).

13. Манойло А.В. 2014. «Цветные революции» как угроза российской нации. Вестник Российской нации. 3 (35): 176–190.

Manoylo A.V. 2014. «Tsvetnyye revolyutsii» kak ugroza rossiyskoy natsii. Vestnik Rossiyskoy natsii. 3 (35), 176–190 (in Russian).

14. Манойло А.В. 2017. Гибридизация современной мировой политики и национальная безопасность Российской Федерации. Геополитический журнал. 1 (17): 3–20.

Manoylo A.V. 2017. Gibrizatsiya sovremennoy mirovoy politiki i natsionalnaya bezopasnost Rossiyskoy Federatsii. Geopoliticheskiy zhurnal. 1 (17): 3–20 (in Russian).

15. Нарочницкая Н.А. 2008. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб., Алетейа. 467.

Narochnitskaya N.A. 2008. Oranzhevyeye seti: ot Belgrada do Bishkeka. SPb., Aleteya. 467. (in Russian).

16. Наумов А.О. 2014. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М., Аргамак-Медиа, 345.

Naumov A.O. 2014. «Myagkaya sila». «tsvetnyye revolyutsii» i tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov v nachale KhKhI veka. M., Argamak-Media, 345. (in Russian).

17. Нейматов А.Я. 2016. Современные цветные революции в контексте научно-технологического подхода. Международные отношения. 1: 106–110.

Neymatov A.Ya. 2016. Sovremennyye tsvetnyye revolyutsii v kontekste nauchno-tekhnologicheskogo podkhoda. Mezhdunarodnyye otnosheniya. 1: 106–110 (in Russian).

18. Новиков О.Г., Рыжикова Д.А., Высоцкий Р.Н. 2018. Объективные и субъективные предпосылки возникновения цветных революций в XXI веке. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Т. 8. 1 (31): 41–56.

Novikov O.G., Ryzhikova D.A., Vysotskiy R.N. 2018. Obyektivnyye i subyektivnyye predposylki vozniknoveniya tsvetnykh revolyutsiy v XXI veke. Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Vol. 8. 1 (31): 41–56 (in Russian).

19. Ремарчук В.Н. 2014. «Управляемый хаос» как политическая технология в современной геополитике. Гуманитарный вестник. 1 (15): 6.

Remarchuk V.N. 2014. «Upravlyayemyu khaos» kak politicheskaya tekhnologiya v sovremennoy geopolitike. Gumanitarnyy vestnik. 1 (15): 6 (in Russian).

20. Сальников В.И. 2011. Революционные процессы в политической жизни: динамика развития, проблемы управления: монография. Воронеж, ИПЦ «Научная книга». 256.

Salnikov V.I. 2011. Revolyutsionnyye protsessy v politicheskoy zhizni: dinamika razvitiya. problema upravleniya: monografiya. Voronezh, IPTs «Nauchnaya kniga», 256. (in Russian).

21. Семченков А.С. 2016. «Цветные революции» как угроза национальной и региональной безопасности: специфика и пути противодействия. Вестник Российской нации. 6 (52): 185–196.
- Semchenkov A.S. 2016. «Tsvetnyye revolyutsii» kak ugroza natsionalnoy i regionalnoy bezopasnosti: spetsifika i puti protivodeystviya [«Color revolutions» as a threat to national and regional security: specifics and ways of counteraction]. Vestnik Rossiyskoy natsii. 6 (52): 185–196 (in Russian).
22. Федорченко С.Н. 2012. Фрейд-анализ политической символики «цветной революции»: теоретико-методологические и исторические аспекты проблемы. Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». 3: 24–42.
- Fedorchenko S.N. 2012. Freym-analiz politicheskoy simboliki «tsetnoy revolyutsii»: teoretiko-metodologicheskiye i istoricheskkiye aspekty problem. Elektronnyy zhurnal «Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta». 3: 24–42 (in Russian).
23. Фещенко П.Н. 2017. К вопросу о предупреждении «цветных революций» через снижение социальной напряженности. Актуальные проблемы российского права. 6 (79): 158–166.
- Feshchenko P.N. 2017. K voprosu o preduprezhdenii «tsetnykh revolyutsiy» cherez snizheniye sotsialnoy napryazhennosti. Aktualnyye problemy rossiyskogo prava, 6 (79): 158–166 (in Russian).
24. Штомпка П. 2014. Социология социальных изменений. М., Аспект-Пресс. 456.
- Shtompka P. 2014. Sotsiologiya sotsialnykh izmeneniy. M., Aspekt-Press. 456. (in Russian).
25. Шульц Э.Э. 2014. Технологии бунта (технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М., Подольская фабрика офсетной печати, 512.
- Shults E.E. 2014. Tekhnologii bunta (tekhnologii upravleniya radikalnymi formami sotsialnogo protesta v politicheskom kontekste). M. Podol'skaya fabrika ofsetnoy pechati, 512. (in Russian).
26. Юсупова-Фарзалиева Д.М. 2012. Информационно-коммуникативные технологии как основа «цветных революций» в современных политиях : дис. ... канд. полит. наук. Пятигорск. 35.
- Yusupova-Farzaliyeva D.M. 2012. Informatsionno-kommunikativnyye tekhnologii kak osnova «tsetnykh revolyutsiy» v sovremennykh politiyakh: dis. ... kand. polit. nauk. Pyatigorsk. 2012. 35. (in Russian).
27. Beissinger M.R. 2007. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer / Rose / Orange / Tulip Revolutions. Perspectives on Politics. 5: 259–276.
28. Blum W. 2013. America's Deadliest Export: Democracy – the Truth about US Foreign Policy and Everything Else. New York: Zed Books Ltd. 342.
29. Brudny I.M., Finkel E. 2012. No more colour! Authoritarian regimes and colour revolutions in Eurasia. Democratization. 19: 1–14.
30. Kennedi R. 2014. Fading Colours? A Synthetic Comparative Case Study of the Impact of «Colour Revolutions». Comparative Politics. 46 (3): 273–292.
31. Mitchell L.A. 2012. The Color Revolutions. University of Pennsylvania Press. 256.
32. Sussman G., Krader S. 2008. Template Revolutions: Marketing US Regime Change in Eastern Europe. Westminster Papers in Communication and Culture. 5(3): 91–112.
33. Way L. 2008. The Real Causes of Color Revolutions. Journal of Democracy, 19 (3): 55–69.
34. Wilson A. 2005. Ukraine's Orange Revolution. New Haven and London: Yale University Press. 421.